

Дискуссия

Александр Ципко. Мой первый комментарий - к прекрасному выступлению Руслана Семеновича Гринберга. Я присоединяюсь к той благодарности, которую он высказал от нашего поколения Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Хотел бы только добавить (поверьте, говорю искренне!): не было бы Горбачева и перестройки, я бы, наверное, не получил ощущения полноценности своей жизни. Я считаю начало перестройки самым счастливым периодом моей жизни. И честные люди должны признать, что все мы должны быть благодарны Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Конечно, величайшая его заслуга состоит в том, что он избавил человечество от угрозы термоядерной войны. Я об этом говорю сегодня, потому что многие не понимают, что нынешний конфликт на Украине может неожиданно поставить нас перед страшной проблемой. К счастью, тогда мы этого избежали. Надеюсь, что на этот раз мы тоже этого избежим.

Хочу сказать несколько слов еще об одной теме - Перестройка и русская история. Да, с точки зрения продолжительности перестройка, демократия – это был выход за рамки традиционной русской исторической колеи. Но Перестройка продолжает очень важную линию русской культуры. Я написал об этом книгу «Перестройка как русский проект». Перестройка - это был ответ на вопросы, которые поставлены русской литературой и русской философией. Например, гласность. У Семена Франка в «Русском мировоззрении» есть статьи, где он говорит: русский человек – особый человек, вопреки всему дай ему правду, он хочет правды.

Жизнь во лжи требовала прорыва. И в этом смысле перестроечная гласность была ответом на это после советской лжи. И в этом смысле это был великий праздник, это был русский прорыв. Это было достижение.

Что нам вернула перестройка? Вернула русскую историю, чувство исторической преемственности. Вернула нам все высочайшие достижения русской культуры, русскую религиозную философию, отечественную мысль за рубежом, историческую память, историческую правду о коллективизации, советском периоде.

Было ли это случайно, связано ли это только с тем, что появилась такая выдающаяся личность, как Михаил Сергеевич Горбачев? Я вам скажу откровенно как человек, который с ним работал. Горбачев - моральная личность, человек, который боится крови. Это уникальный русский руководитель.

Кстати, у Георгия Федотова, у Николая Алексева и других есть мысль, что во главе Коммунистической партии должен появиться моральный человек, который, в конце концов, осознает противоестественность советской идеологии и принесет свободу. Так что исторический запрос этот был. Есть какой-то зов человеческой истории. Не может противоестественная система существовать долго. Она со всех сторон уже подрывалась. Конечно, если бы не Михаил Сергеевич, наверное, был бы другой сценарий истории, может быть, намного хуже. Но, тем не менее, то, что произошло, это, на мой взгляд, великий праздник русской истории. Но за этим стояли перемены в настроении людей.

И последнее. Я не буду говорить по поводу Украины. Появляется ощущение (может быть, я излишний оптимист) необходимости сохранения диалога. Это шанс - объективно, он существует. И это дает надежду.

Роман Синельников. Вопрос к немецким участникам. В 1990 году после объединения Германии Вы, пользуясь общим ликованием единой нации, могли бы принять человеческое решение и амнистировать Эриха Хонеккера и тогдашнее

руководство ГДР. Этого не было сделано. Пришлось увозить его из Германии в Советский Союз. Потом он умер в Чили, как вы знаете.

Смотря на эту ситуацию сейчас, двадцать пять лет спустя, вы оправдываете решение, которое было принято в вашей стране в 90-м году?

Михаэль Хан. Если коротко ответить на этот вопрос. Вы знаете, я тогда не считал, что решение было правильным и подходящим. Если бы я сегодня принимал решение, имея опыт, который есть, то я бы, в общем-то, не амнистировал Хонеккера. Есть более глубокая проблема, а именно: как такое правовое государство, как ФРГ (а ФРГ – это правовое государство), должно обращаться с теми нарушениями закона, гуманности, которые совершались в ГДР?

То есть, с одной стороны, конечно, речь идет о примирении, о том, чтобы объединить нацию или, скорее всего, срастить нацию, с другой - речь идет о том, чтобы и назвать ответственных за то зло, которое творилось в этой стране. Поэтому необходимо преследовать тех людей, которые творили это зло.

Я думаю, что было бы принято такое же решение, как и в прошлый раз. И с теми, кто боролся и выступал на демонстрациях за демократию и свободу, могло произойти совершенно другое, если бы государство одержало верх, если бы партия Хоннекера одержала верх, если бы госбезопасность и войска одержали верх. И тогда мы были бы осуждены на более длительные сроки, чем те люди, которые потом были осуждены судом ФРГ.

Виктор Шейнис. Вначале я хочу сказать, что считаю своим долгом присоединиться к тем словам, которые были сказаны в адрес Михаила Сергеевича. Я думаю, что действительно роль личности в истории не такова, как это написано в марксистских учебниках.

Я думаю, что в особенности велика роль личности, когда она находится на ключевом посту, занимает ключевое место и располагает определенными возможностями воздействия на ситуацию. Это не всегда заметно, не всегда проявляется в демократических странах, где работают институты. Но там, где институты существуют только номинально или не существуют вообще, появление той или иной фигуры оказывает решающее влияние на развитие событий.

Здесь низкий поклон Михаилу Сергеевичу, с которым мне не всегда приходилось соглашаться. Даже сейчас не во всем я с ним согласен, в частности по украинскому вопросу. Но нужно действительно низко поклониться, снять шляпу перед той заслугой не просто перед Россией, перед Советским Союзом, а перед всем человечеством, которая, несомненно, принадлежит Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Это короткое вступление.

Теперь, надеюсь, несколько замечаний, тоже достаточно коротких, о том, что здесь сегодня обсуждается.

Мне было очень интересно и посмотреть фильм, и услышать то, что рассказывали о событиях 80-х годов. Я не находился отнюдь в центре событий, как, например, Александр Ципко. Но я достаточно внимательно наблюдал за тем, что происходит. И тем не менее сегодня я услышал много очень любопытных фактов, подробностей, деталей, которые проливают свет на это событие.

Тем не менее, мне кажется, известный перекося все-таки произошел в прошлое. А между тем задумана, как мне казалось, сегодняшняя конференция была для того, чтобы понять, что происходит сегодня в свете тех событий, тех импульсов, которые задало падение Стены. Вчера на довольно представительном собрании один известный политолог (я не хочу называть его имя) объяснял нам, что Европа находится в глубоком кризисе, а Россия пытается восстановить некие нормы международного поведения.

Я думаю, что это глубокая ложь. Правда заключается в том, что Европа вовсе не находится в кризисе, что импульсы, заданные падением Берлинской стены, мы сегодня видим в Европе. Я не могу об этом сколько-нибудь подробно распространяться, но укажу только на два момента. Первое – это выборы в Европейский парламент, которые, несмотря на все опасения, все-таки в главном, в основном показали приверженность подавляющего большинства избирателей и политического класса тем европейским ценностям, которые, собственно говоря, и восстанавливала, пыталась восстановить у нас Перестройка. Это первое.

И второе. Я думаю, что Европа, политический класс Европы, европейские политики сумели достойным образом проявить себя в ответ на российскую агрессию в связи с украинским кризисом. Европа заняла достаточно единодушную позицию, и, несмотря на то, что время от времени вытаскиваются разного рода маргиналы, которые рассуждают о том, что, дескать, слишком, не надо и т.д., думаю, что политика западных европейских государств – и не только западных, но наших бывших союзников – весьма показательна и характерна.

Теперь еще два слова о НАТО. Я не думаю, что НАТО представляет какую бы то ни было военную угрозу России. Опыт и наши познания о том, что происходит в правящих кругах западных государств, свидетельствуют о том, что нет там безумцев, которые готовы были бы решать проблемы военным путем. Но в приближении НАТО к российским границам есть, на мой взгляд, позитивный момент. Когда наш президент говорит о том, что мы обязаны защищать русских, не граждан России, а русских во всех странах, то весьма вероятно, что претензии России, которые предъявляются Украине, которые предъявлялись Грузии (правда, не в защиту русских, а в защиту осетин и абхазов), могли бы быть предъявлены, скажем, Эстонии и Латвии. Но именно их членство в НАТО является гарантией невмешательства в их внешние дела.

Теперь о коротком обмене мнений, который состоялся между мной и уважаемым мною Михаилом Александровичем Федотовым. Я думаю, его мысль, что не Стены, не физические Стены, не бетон, а международное право должно защищать те или иные принципы, – эта мысль замечательная. Но международное право – это филькина грамота, если она не поддержана определенными силами.

Я не знаю, что было бы, если бы «Петербургский форум» в Сочи состоялся. Возможно, он был бы полезен. Не знаю, что могло бы вытечь из обмена мнениями. Но я уверен, что в тех играх, которые разыгрывает наше руководство, по сути дела, это некий отвлекающий маневр. Вот смотрите, уважаемых людей мы выставили. Их уважают, их принимают и т.д. Но информация о «Петербургском форуме» населению нашей страны отнюдь не была бы сообщена.

Это фигура речи. Я не желаю вам смотреть наше телевидение, потому что это издевательство над собственной нервной системой. Но все-таки посмотрите. Посмотрите передачи Дмитрия Киселева. Посмотрите, в чем до недавнего времени на телевидении упражнялся Соловьев – талантливый человек, между прочим, способный человек.

У меня один образ, а именно: выбирается некто – один человек, которого приглашает Соловьев, который выступает как бы объектом общей ненависти, и идет концентрированная ненависть, то, что называют «неистовым патриотизмом». На самом деле к настоящему патриотизму это не имеет никакого отношения.

Идет очень опасный процесс. И этот опасный процесс, на мой взгляд, недооценивается, в том числе, частью нашей интеллигенции. Недооценивается то, что, в сущности говоря, произошел перелом в 14-м году в большей степени, чем раньше. К этому дело шло. Но произошел перелом в том смысле, что Конституция сегодня – это пустое место, она не действует, никакого русского конституционализма нет. Реально осуществляется нечто совершенно другое. Что же осуществляется? Один из сотрудников

нашего президента в прошлом, ныне отставленный, вероятно, за болтливость где-то в середине 10-х годов в «Известиях» опубликовал статью, в которой он писал примерно следующее. Страна находилась на грани распада, но ее удержали «на чекистском крюке». Это был некто Черкесов, который возглавлял одно время ленинградский КГБ.

Этот чекистский крюк в настоящее время, собственно говоря, и держит ситуацию, все более и более вытесняя те компоненты, которые были связаны с перестройкой. Поэтому ситуация вовсе не благодатная.

Мне тоже хочется искать следы надежды, оптимизма. Мне тоже хочется видеть какие-то оптимистические моменты. Но пока, я думаю, мы видим, прежде всего, угрозы.

Роза Цветкова. Сначала я хотела сделать очень короткое, даже не возражение, а дать какую-то оценку мнению Александра Сергеевича Ципко о том, что народ был готов к тем переменам, которые случились. Но, однако, то, что сам же господин Ципко рассказал, напоминает некую теорию заговора, что в ЦК что-то там придумывали и потом это все внедрились.

Я хорошо помню это время. Я тогда была уже не так юна, чтобы ничего не понимать. Помню, как идеи, которые Михаил Сергеевич стал вбрасывать в общество, со скрипом укоренялись в умах. Я считаю, что заслуга Горбачева в том, что он был новатором в перестройке, по большому счету, именно общественного сознания. Это такое краткое мнение.

И еще у меня вопрос к господину Хану. Если можно, Ваше мнение о том, что произошло по прошествии 25 лет после падения Стены, стали ли равноправными обе части Германии в большом смысле этого слова? Потому что иногда даже среди наших экспертов или политиков бытует мнение, что до сих пор восточная часть Германии отчасти дискриминирована. Например, могу вспомнить Дрезден, в котором сохранилось много «советского»..

Мне было бы интересно понять, как Вы это видите, тем более что Вы сами выходец из Восточной Германии.

Михаэль Хан. Я отвечу на Ваши вопросы. Давайте начнем с Дрездена. Потому что моя мать оттуда родом. В годы моей молодости я там жил. Конечно, в Дрездене еще много чего видно – и в архитектуре, и в градостроительстве, - того, что осталось от ГДР. Но Дрезден ведь был практически целиком разрушен в конце Второй мировой войны. А потом ГДР этот город восстановила.

Во всех крупных городах Восточной Германии все еще есть районы, которые возникли во время ГДР. И что с ними теперь делать? Там живут десятки или сотни тысяч человек, в этих домах, в этих панельных многоэтажках. Их успели отремонтировать за это время. Эти дома модернизировали, улучшили. Но, очевидно, в городах наследие ГДРовского прошлого будет видно и заметно еще долго, конечно.

Хотя я должен сказать, что Дрезден все-таки много изменился в лучшую сторону с момента объединения Германии. Многие «дыры» в городе были застроены. Были восстановлены исторические здания. Для меня Дрезден – это как раз один из положительных примеров того, что случилось с момента падения Стены.

Теперь о Востоке и Западе. Когда говоришь об этом, как Восток и Запад Германии сейчас живут друг с другом, или действительно ли они по-настоящему объединились, тут речь идет о субъективной оценке. Можно говорить о статистических данных или можно говорить о субъективных впечатлениях людей. Субъективные впечатления могут быть очень разными. На них влияют очень разные факторы.

Согласно статистическим данным по доходам и многим другим показателям, есть мало причин, по которым можно было бы сказать, что Восток Германии дискриминируем. По крайней мере, дискриминируется он не больше, чем ряд регионов и в Западной Германии.

Вы знаете, что Германия со стороны воспринимается как очень однородная страна. Кажется, что везде чисто, аккуратно, все красиво, везде есть прекрасные супермаркеты, люди ездят на красивых дорогих машинах. Так примерно Германия выглядит со стороны. Но, конечно, Германия – это тоже исторический конструкт. И между регионами Германии есть большие различия в уровне благосостояния, по крайней мере, с точки зрения самих немцев. Между севером и югом есть большие различия, между городом и селом есть большие различия. Различия в доходах, например, между окрестностями Мюнхена и какой-нибудь сельской местностью, скажем, на Севере Германии, на Северо-Западе Германии огромные, колоссальные различия.

Конечно, есть различия между Восточной и Западной Германией. Конечно, было бы здорово, если бы их не было. Но они возникли по историческим причинам. Так развивалась история. И они еще долго будут сохраняться.

Если вы спросите меня о статистике, то, конечно, есть исследования в Германии. Есть исследование, например, посвященное тому, как средний доход на семью, на домохозяйство в Германии связан с тем, откуда предки этой семьи, где они жили 50 лет назад, были ли они изгнаны из бывших территорий Германии, которые сейчас находятся на территории Польши или Чехии, или где-то еще, или нет.

И даже сегодня, спустя 50-60 лет после тех событий, можно увидеть, что доход семьи действительно довольно сильно зависит от прошлого семьи, от того, были ли ее предки изгнаны с бывших территорий Третьего рейха или нет.

А если мы спросим о субъективных мнениях людей, о том, какие шансы они для себя видят и для самореализации, конечно, среди поколения моих родителей сразу после объединения страны было очень много людей, которые не смогли спокойно продолжить заниматься на Западе профессией, которой они владели. Потому что некоторые профессии просто исчезли после объединения. Например, тракторист. Профессия тракториста у вас тоже была в стране. Можно было изучить эту профессию и пойти работать в колхоз. Но в Западной Германии такой профессии тракториста нет. Потому что у крестьян и фермеров есть трактора, но отдельных трактористов, которые бы на них ездили, нет. Такой профессии не существует.

Так что видите, это уже в моем поколении заметно. Моей дочери пару месяцев назад исполнилось 18 лет. Для поколения моей дочери уже никакой разницы нет. Это исторический процесс, историческое развитие.

И мне кажется, если взять совсем широкие слои населения, то почти все выиграли от объединения страны. И, честно говоря, даже левая партия, то есть бывшая Коммунистическая партия, бывшая СЕПГ, даже они не хотят, чтобы Стену снова построили. Никто не хочет вернуть Стену. Они, может быть, хотят вернуть социализм в мягком варианте, но Стену никто больше не хочет.

Павел Палажченко. Я хотел бы все-таки вернуться к теме процесса объединения Германии и два слова о параллелях с нынешним временем.

Сегодня Михаил Сергеевич и, по-моему, Александр Сергеевич Ципко сказали, что неизбежно было то, что произошло: объединение Германии и в силу того, что произошло в период перестройки, и в силу культурных, психологических сдвигов, которые произошли даже в нашей коммунистической элите. Я думаю, что да, неизбежно было, что немцы займут такую позицию.

А все-таки Советский Союз, несмотря на все эти перемены, о которых Вы говорили, и советское руководство в тех условиях могли занять, конечно, и другую позицию. И в этом плане лидерство Горбачева было очень важным.

Посмотрим, кто был против объединения Германии. Самые большие противники объединения Германии – это, я считаю, Тэтчер и большинство наших советских германистов.

Я вам скажу: когда политический лидер находится в таких клещах, не так просто. Я переводил беседы Шеварднадзе с Тэтчер, когда начались все эти события, затем беседы Михаила Сергеевича с Тэтчер. В каждой беседе есть текст и есть подтекст. Текст у нее был местами слегка скептический, а подтекст был очень скептический в отношении не только объединения Германии, но и процессов, которые происходили в Восточной Европе, то есть «бархатных революций». Даже это ей не нравилось. И она давала это понять. Особенно первая беседа, которая у нее была с Шеварднадзе, когда были румынские события. Даже эти румынские события вызывали у нее настороженную реакцию. Это было видно и местами даже слышно.

Но и наши германисты. Я перечитал записки, которые писал Фалин. Надо сказать, что характерно: они пронизаны таким скептическим духом. Но ведь ничего он не предлагал того, о чем говорил потом, что, дескать, надо было танки выставить, и это бы сразу их припугнуло. Ничего подобного он тогда не предлагал.

Тем не менее, общее ощущение, что это потенциально для нас опасность и что мы должны к этому отнестись очень осторожно, конечно, была. Я вспоминаю, в МИДе германским направлением заведовал на протяжении десятилетий Бондаренко. Я говорил с молодыми сотрудниками МИДа, которые поработали и в ГДР, и в ФРГ. Казалось бы, побывали там, видели разницу и должны понимать, что немцы захотят объединиться. Но было очень скептическое отношение к немцам. Те же самые страхи и опасения, что в каждом из них потенциально сидит, вы знаете кто, что нельзя забывать. Прошло всего сорок лет после окончания войны, но сорок лет – это большой период. Немцы вроде бы заплатили долги, доказали, что способны к демократии, к нормальной жизни. У молодых сотрудников МИДа это было. А что говорить про людей с опытом! Тому же Бондаренко было уже далеко за 60.

Так что Горбачев мог принять разные решения в таких условиях, когда и Тэтчер подталкивает к тому, что надо бы что-то сделать, Миттеран – поначалу тоже, потом, правда, его позиция изменилась. И тут еще - все экспертное сообщество. А вы знаете, что у Горбачева к экспертам очень внимательное отношение, очень позитивное. Он прислушивается к ним. Так что по-разному могло бы получиться. И, слава Богу, что получилось правильно.

Я не раз слышал от Михаила Сергеевича слова, что он не жалеет о выборе, который сделал. Этот выбор сделал он. Политбюро тогда еще было такое, что оно пошло бы за ним, если бы он взял курс на торможение или остановку этого процесса.

Что касается нынешнего времени. Много здесь говорилось о том, что произошла действительно катастрофа в отношениях между Россией и Западом. И я думаю, очень плохо сейчас то, что произошло серьезное ухудшение отношений между Россией и Германией. И это результат, как мне кажется, взаимной обиды. Сначала у нас была обида, а сейчас очень сильная и, на мой взгляд, вполне обоснованная (я выскажу свое мнение) обида с немецкой стороны.

Что можно сделать? В интервью, которое Михаил Сергеевич дал «Российской газете», говорится о том, что можно было бы сделать. И я согласен с тем, что высказал в этом интервью Михаил Сергеевич Горбачев. Действительно действовать надо, чтобы отношения не потерять.

Он обращает внимание на то, что Россия воздержалась от ответа – асимметричного или какого другого – после последнего раунда санкций Запада. Это действительно так. И предлагает, чтобы Запад ответил на это, сняв первоначально хотя бы часть так называемых персональных санкций. Действительно, когда у вас под персональные санкции подпадает Председатель Совета Федерации и другие политические руководители страны, то это, конечно, диалогу вредит.

Я, конечно, согласен с тем, что Михаил Сергеевич сказал. Действительно Запад мог бы без потери лица, и Германия могла бы без потери лица пойти на отмену или смягчение этих так называемых персональных санкций.

Но есть и второе. Об этом аккуратно сказано в интервью. Необходимо снизить накал страстей. И здесь, мне кажется, слово, конечно, за российской стороной. То есть одним движением мизинца можно прекратить нынешнюю антизападную вакханалию на телевидении. Если Россия это сделает, то у меня такое впечатление, что это может найти отклик на Западе. Какой-то отклик в виде поддержания, восстановления диалога. Но произошла катастрофа, и восстанавливать отношения придется очень и очень долго.

Я сам не сторонник того, чтобы, как сказал Анатолий Леонидович Адамишин, на руинах строить новый порядок. Рано. Думаю, сейчас только тактика малых шагов, постепенное восстановление диалога может сработать.

Аркадий Дубнов. Постараюсь не задержать ваше внимание. Просто мне хотелось бы вычленил некие важные моменты, для кого-то, может быть, заметные, для кого-то – нет. Жаль, что Михаил Александрович Федотов вышел, не дождавшись ответа со стороны, в том числе, Виктора Леонидовича Шейниса. Михаил Александрович говорил о примате международных законов.

Татьяна Ворожейкина акцентировала внимание на том, что события вокруг Украины показали, что наша страна проигнорировала международные законы, и ссылаясь на 94-й год - Будапештский меморандум, 97-й год – большой Договор России и Украины. Я просто добавил бы к этому еще 91-й год – Беловежский договор.

В этой ситуации мне кажется, что не совсем ловко с нашей стороны призывать все международное сообщество в первую очередь уважать международные нормы. Каким-то образом надо все-таки тщательнее быть, стыдливее, в том числе и такому уважаемому правовику и законнику, как Федотов.

Сейчас, кстати, Сергей Лавров эту тему постоянно педалирует. Говорит о том, что мы самые большие законники в международном праве. Мне это тоже кажется забавным.

Еще один момент. Обратили ли вы внимание, когда Михаил Сергеевич рассказывал о делах прошлых, он сказал о том, что такая конспирологическая теория была, что якобы восточные немецкие товарищи заподозрили, что он получил разрешение на тайные встречи с депутатами Верховного Совета на объединение Германии?

Эпоха сама по себе в этих словах нам напоминает о себе. Вы можете себе представить, что сегодня кому-то придет в голову подумать, что глава государства собрал на тайную встречу депутатов Российской Государственной Думы, чтобы с ними обсудить какой-то вопрос международной важности. И не потому, что мы так думаем плохо о депутатах Думы (оставляю это за скобками), а потому что у нынешнего главы государства просто организация государственного мышления совершенно другая. Вот и все. Вот в этом разница эпох. Двадцать пять лет – к чему мы, что называется, вернулись.

Одно наблюдение. Очень коротко. Лет семь-восемь назад я был в группе журналистов, которые сопровождали нынешнего главу государства на саммите Шанхайской организации сотрудничества. Он после тяжелого дня собрал несколько пишущих журналистов, и был долгий разговор. Это было в преддверии того, как он собирался решать вопрос третьего срока: будет ли преемник, не будет ли преемника, какой. Это был 2007 г. Путина спросили: какие качества Вы видите у своего преемника? Он сказал: ответственность, профессионализм и т.д. Я его спросил: Владимир Владимирович, Вы под словом ответственность что подразумеваете – вплоть до отставки со своего поста? Он говорит: «Да причем тут отставка!» И продолжает.

Принцип мышления государственного руководителя, который из понятия ответственности исключает отставку со своего поста - это тоже отличает нынешнее руководство от руководства 25-летней давности – Михаила Сергеевича Горбачева. И за

это мы тоже ему должны быть благодарны. Потому что никогда бы нынешнее руководство не пошло бы на такой демарш - в стиле Ивана Грозного, «уехать в Александровскую слободу» - как сегодня рассказывал об этом Горбачев, вспоминая про Апрельский Пленум 1991-го года.